

**Егорьев дуб. Деревья в художественном пространстве
«Повести о Светомире царевиче» Вячеслава Иванова**

Руслан СОКОЛОВ
Даугавпилсский университет

Ключевые слова: *символизм, пространственная вертикаль, становление, аполлоно-дионисическое единство, земной рай, Вячеслав Иванов.*

В 1928 году, находясь в Риме, Вячеслав Иванович Иванов начинает писать *«Повесть о Светомире царевиче. Сказание старца-инока»*. Работа над особого рода прозой, организованной, отчасти, по законам поэтическим, продолжится до конца жизни В. Иванова. Произведение не закончено – из задуманных двенадцати книг было написано только пять, причем пятая находилась в процессе доработки. По просьбе автора, текст дописывает Ольга Дешарт, ее руке принадлежат книги с шестой по девятую. (Ольга Дешарт, в частности, сообщает: «Первая книга была написана осенью 1928 г. в Риме. Вторая – в Павии, закончена 16 июня 1929 г. Первые десять глав третьей книги написаны в Павии. В Риме закончены: главы XI–XV третьей книги – на Монте Тарпео; XVI и XVII главы ее – на Авентине. К четвертой книге В. И. приступил после окончания «Римского Дневника 1944 г.» – в феврале 1945 г. В 1948 г. начал писать книгу пятую и писал ее до последнего дня своей жизни» (И в а н о в 1971, I, 856).

При анализе учитывались пять первых, авторских книг. С жанровой точки зрения, *«Повесть о Светомире царевиче»* представляет собой тонкую стилизацию под летописное письмо, текстовым преконструктом может служить *«Повесть временных лет»* начала двенадцатого века. С другой стороны, В. Иванов стремится воскресить культурную ситуацию пятнадцатого столетия, когда домонгольские формы литературы должны были заново подтвердить единство Русской земли. Можно сказать, что автор делает попытку символизации Руси как таковой, старается определить архетипические основания духовной культуры (как национальной, так и наднациональной). Роберт Берд отмечает: «Хотя Иванов как поэт работал в основном в лирическом роде, он всегда взывал к возрождению «больших» повествовательных жанров...» (Б е р д 2006, 111). Действительно, *«Повесть о Светомире царевиче»* развивает основные темы лирики В. Иванова,

оформившиеся еще до отъезда из России, и реализует заочную связь с родиной – через включение реалий исторического времени в образный ряд авторских символов римского периода творчества.

Собственно, прямое включение истории обнаруживается в Книге четвертой: «Молебны пелись благодарственные о победе на Севере новой и славной, когда пронеслась весть: пал Царьград» (Иванов 1971, 338). Как известно, взятие турками Константинополя-Царьграда произошло в 1453 году. В остальных случаях, реальные события и персоны древнерусской истории претерпевают трансформации – в сторону получения ими обобщенного, инобытийного статуса. Так, за нашествиями кочевников со стороны степи окраиной можно различать те или иные факты татаро-монгольского ига, а за фигурами старца Парфения или Владаря-царя видеть фигуры Сергия Радонежского или князя Владимира, но это, разумеется, будут не прямые соответствия. К примеру, Владарь имеет признаки разных Владимиров – от Красного Солнышка до Мономаха.

Дерево в художественном пространстве «Повести...» – это, прежде всего, символ, составная часть картины мира автора. По словам Аге Ханзена-Леве, «Каждый символ имеет одновременно и семиотическое..., и реально-предметное свойства, он одновременно знак чего-то «иноного»... и «самого себя»...» (Ханзен-Леве 2003, 8). Символика отдельно стоящего дерева в произведении тесно связана с символикой леса, в свою очередь, лесной топос противопоставлен пространству безлесья. Генеалогия Горыньских князей восходит к старинным обитателям лесов; причем в «Повести...» лес дремучий (древний), и лес нового времени имеют различное толкование. «Жива по миру память: было у Егория у Храброго шесть лесных сестер, их-же, во тьме неведения сидящих, брат по естеству светом Христовым просветил» (Иванов 1971, 257). В свою очередь, в Книге пятой Богородица обращается к Егорию: «Сыне Георгие, почто сестер твоих в земле полнощной, в дубравах темных оставил еси? Там они, во мраке неведения сидяще, со древами срослися и волчим млеком младенцев своих питают. / «Иди и просвети их, и с ними всю землю ту и все в ней живуще, и дубравы те окрести» (Ibid., 365). Новое время характеризуется исчезновением темных лесов и глухих дебрей – на смену приходит лес светлый (не такой густой, как раньше), часто пронизанный солнцем. В системе координат символизма лес – это сфера перехода от мира нижнего, водного, к миру верхнему, небесному. Древний лес – это пространство дионисическое, даже, скорее, прадионисическое. Так, сестры Егория Храброго – суть менады дохристианской эпохи. Их крещение переводит лесной топос в состояние просветленного духом полдня, а жертвенная семантика умирающего и воскресающего божества получает гуманистическую коннотацию. В.Н. Топоров писал: «Дионисийское начало предполагает ориентацию на природное, на интуицию...» (Топоров 2004, 236). И в этом смысле как древний, так и новый лес являются пространством родственным; главное их отличие в том, что дионисическая двои-

ца доисторического оргиазма в позднее время получает необходимую корреляцию с рационально осознанной монадой Аполлона.

Деревья в «*Повести...*» неотделимы от воды, причем воды текучей. Ханзен-Леве определял: «Вода в символизме – в русском языке она и грамматически имеет женский род – часто выступает как женственный природный символ...» (Ханзен-Леве 2003, 664). Текучая вода символизирует метаморфозы души – этим значением обладает Егорьева криница в земле Владаря, подобная семантика есть у коловратного потока Фисон в Срединном царстве Иоанна Пресвитера. Само появление на свет Владаря-царя, или, как его звали в детстве, – Лазаря, связано со священным местом. Мать будущего самодержца получает благовестие о рождении сына от некоей старицы: «Видит дуб старый, грозою опаленный, и родник под ним из земли бьет, по мху зеленому да по камушкам гладким разливается, плещется, на солнце играет» (Иванов 1971, 259). Дерево старица именует Егорьевым дубом, а родник – Егорьевым ключом. Все важные повороты сюжета «*Повести...*» в той или иной степени окажутся связаны с этим местом. После рождения Лазаря дуб будет срублен и из него изготовят крест; установленный над криницей, он станет символом обновленного жертвенной семантикой дерева.

«Символист десимволизирует, демифологизирует канонизированные, но утратившие содержание культурные мифы и ремифологизирует (суб)культурные периферийные зоны...», – пишет Ханзен-Леве (Ханзен-Леве 2003, 17). Неомиф о Егории Храбром строится В. Ивановым на стыке дионисийской и аполлонической символики. Егорий (иначе – Георгий) вооружен копьем – атрибутом Диониса. Это оружие разящее, направленное как против мифологического дракона, так и против забывшего о своем высшем предназначении человека. Егорий отмечает своим копьем Василису – мать Лазаря, и двадцать два года она пребывает бездетною, у пораженного копьем Владаря надолго отнимаются ноги. (В скобках нужно отметить известное смешение пространства реального и пространства сна, видения в «*Повести...*»; при очевидном их различии символистское художественное сознание стремится к построению достаточно гомогенного пространственно-временного континуума, где набор основных символов складывается в единую, иерархически организованную, систему. В этом смысле ирреальное пространство воспринимается как равноправная локация, события, происходящие в нем, прямо влияют на обстоятельства яви.) Копье имеет также ограничительную функцию. Так, копьем Егорий гонит в видении Владаря по степи стаю волков, копьем же очерчиваются границы Срединной земли. «Тогда сел Георгий на коня белого и копие пламенеющее к земле склонил, и помчался на коне копием бразду ведя по земле глубокую, и превеликую округу обвел, яже есть земля наша срединная» (Иванов 1971, 364). Другое вооружение Егория – лук и стрелы. Золотая стрела, которая, по преданию, скрыта в Егорьевой кринице, – атрибут Аполлона; по заданию Богородицы Георгий мечет стрелы в разные стороны от Срединного царства, и где они

падают, там воздвигаются «оплоты духа». Одним из таких мест оказывается царство Владаря.

Дерево Егория Храброго – дуб – нужно воспринимать в контексте философских взглядов В. Иванова. Несмотря на осознанное дистанцирование от идей Фридриха Ницше, которым В. Иванов был привержен в ранний период своего творчества, от структурной модели ницшеанской философии, модернизированной, конечно, художественным сознанием автора-символиста, В. Иванов римского периода не отказывается. На уровне семантического, впрочем, усилятся христианские, часто – неоплатонические по своим трактовкам сентенции. Лесное прошлое Горыньских князей исправляется христианским просвещением, причем процесс становления нормативного субъекта в «Повести...» не закончен. Собственно, он и не может быть закончен, пока человек жив и способен эволюционировать – здесь можно зафиксировать отсылки к волюнтаризму Артура Шопенгауэра и к «философии жизни» Ницше (Н и ц ш е 1996, 48). Вместе с тем, в мелопее 1919 года «Человек» (год издания – 1939) Вячеслав Иванов на архитектурном (структурном) уровне обнаруживает приверженность к пифагорейски-платоническому учению о тетрактиде – способе рассуждений, имевшим хождение в философской практике русского религиозного Ренессанса. Так, А.Ф. Лосев определяет «...необходимую диалектическую схему, то, без чего никакой предмет не мыслим» (Л о с е в 1990, 272). В основание тетрактиды кладется фундаментальное противопоставление *тезиса* и *антитезиса*, на следующем уровне встреча оппозиционных полюсов обеспечивает *становление* нового качества, затем образуется *ставшее*, последнее – высшее состояние можно определить как Единое (в терминологии Владимира Соловьева, да и самого В. Иванова тоже). Представляется, что особенное внимание в «Повести о Светомире царевиче» В. Иванов уделяет среднему звену тетрактиды – его интересует прежде всего *становление*, переход из одного состояния в другое. В «Повести...» рассматривается переломная ситуация – становление царства, Третьего Рима – от Горыньских князей к наследству кесаря, особенно важна преемственность власти в поколениях. В процессе становления, скрыта суть человеческого «я». Думается, что наиболее наглядным символом духовного роста, преобразования опыта в инобытие в «Повести...» оказывается дерево.

В тексте упоминаются дуб, ива, ракита, осокорь, лавр, а также «чудотворное древо» – дубовый крест возле криницы. Деревья соотнесены с персонажами. Так, Владарю соответствует дуб: «А ты под дубом сиди, солнышко в дубу стереги!» – говорит ему Светомир (И в а н о в 1971, 326), он же зовет Ваську Жихоря «ивушкой» («Жихоря ивушкой зовет и, как увидит, сядет к нему под ноги ровно под дерево да свою «Ивушку земную» затынети» (Ibid., 328)).

В «Повести о Светомире царевиче» пространство организовано по принципу символического подобия. Обозначенная в первых книгах оппозиция

лес – степь соответствует значениям сокровенное – открытое. Пространство степи почти всегда опасно, оттуда с войной приходят кочевники, оно является естественной границей земель Владаря. В степи можно находиться временно, продолжительное пребывание в открытом по горизонтали топосе главным героям повести не свойственно. Даже обитатели степи крайней – потомки Горынских князей – в итоге это пространство покидают. Князь Боривой погибает в результате набега, его сын Радивой, бежав из Царьграда, поселится у своего родственника Владаря. Степь окружает лесной мир, в центре которого находится святилище – Егорьева криница и Егорьев дуб – трансформированный по рождению Владаря в крест. Крест, в данном случае, не только христианский символ, он указывает на топологический центр, на срединную землю. В широком контексте – он имеет значение перехода, жертвы. В работе «Дионис и прадионисийство» В. Иванов писал: «Группа символов: плющ, змея, пчела, – к ним должно причислить еще сосну или ель (elatê), исконное дерево Вакха, ветви которого в руках мистов назывались bakchoi, дуб (откуда Дионис Dyonphoros в Филиппах, Prinophoros в Фессалониках), наконец, вечно зеленый тис (smilax) – составляет изначальное культовое отличие фракийского оргиазма и оргиазма женского одноприродного с фракийским; в этом диком оргиазме скалистых высот и болотистых низин Дионис сочетается с Артемидой (И в а н о в 1994, 107). Дерево живое, естественное, становится древом священным; дионисова природная сила освящается аполлоновой гармонией.

В организации художественного пространства «Повести...» задействованы циркулярные структуры. Модель царства по горизонтали – это система из трех концентрически сужающихся зон: 1) внешняя граница – степь, 2) обитаемая, благословенная земля – со свободно растущими деревьями и 3) святилище – Егорьева криница с золотой стрелой – образец соединения природной силы и умной кротости. Духовное становление субъекта – обитателя лесной страны – задано топосом святилища; символ пространственной вертикали (дерево) приобретает тут смысл духовного восхождения.

Государство Владаря имеет прообраз – Срединное царство Иоанна Пресвитера.

Топография Срединного царства описана в Книге пятой. Иоанн Пресвитер и его земля – Белая Индия – взяты В. Ивановым из западноевропейской легенды двенадцатого века, сообщающей о наличии некоей могущественной христианской страны в Средней Азии. Царь и поп Иоанн соединяет власть мирскую и власть духовную, его правление максимально приближено к идеалу. Срединное царство окружено горами и пустынями, само же является напоминанием о Земном Рае. Здесь достигнута природная гармония, звери и птицы вольно живут под сенью «древес столпных, над кровом ли широколиственным едина древа многоствольна...» (И в а н о в 1971, 356). И далее: «Но тучнеет по крутодолам дальним древо масличное и веселит холмогория добре возделана Вакх ли, у Еллинов славимый, мест сих древний гость, Ной ли, из ковчега ишедый, первовиноградарь» (Ibid., 357). Священным центром

Срединного царства оказывается Лествичный храм (его знаком служит в земле Владаря дубовый крест на Егорьевой кринице), а также большое озеро перед храмом и остров богومудрия с его обитателями – взыскующими Божественной премудрости иноками: «Где пространнее ширится озеро, морю подобно, остров уединенный красуется древесами широкосенными и зданий многостолпных блистанием над зеркалом водным» (Ibid., 360). Водная система Срединного царства включает в себя коловратный поток Фисон – легендарную реку Земного рая. В книге Бытия говорится: «Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото... Имя второй реки Гихон (Геон): она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель (Тигр): она протекает пред Ассирию. Четвертая река Евфрат» (Быт. 2: 10–14). Таким образом, предполагается, что Срединное царство Иоанна Пресвитера также имеет прообраз – сокрытый от глаз человека Земной Рай.

В. Иванову нужен именно Земной – не умозраительно постигаемый небесный, а вполне предметный, потенциально осязаемый рай. Через него происходит не только схождение полюсов пространственной вертикали, в нем накладываются друг на друга горизонтальные развертки высшего и нижнего миров. В этом символе соединяются бытие и инобытие. Иначе говоря, сакральная топография приобретает возможность воплощения, и наоборот, все материальное получает возможность преобразиться и достичь высот духа. Рай повсюду, хотя его и не видно. Юная Отрада поет Лазарю духовный стих о Земном Рае:

*Где проходит Божия Матерь
По земле святыми стопами,
Там оскрест и я простираю
Добровонные сени древесны;
Там бегут мои чистые воды,
Там поют мои райские птицы;
Посреди же меня Древо Жизни,
Древо Жизни – Пречистая Дева. (Иванов 1971, 284)*

В «Послании Иоанна Пресвитера Владарю царю» называется подлинный правитель Срединной земли – апостол Иоанн: «Царство Иоанново есть, и держит ю не правитель видимый, но с нами zde пребываяй апостол Христов Иоанн» (Ibid., 363). Невидимость апостола – знак его вездесущности, строго говоря, его присутствие обеспечено везде, где правитель желает править в духе. Чем не совершеннее царство, тем меньше у него шансов открыть в своих границах Древо Жизни и коловратные потоки Земного Рая, но такая вероятность есть у всякого народа. В этом смысле, любое дерево есть часть райского сада, а его способность к росту – естественный указатель необходимой связи пространственных полюсов, через накопление человеком духовного опыта. «В мифопоэтическом символизме... «становление» отождествляется с архаически-непосредственной естественностью мифологического

подсознания, а «ставшее», наоборот, оказывается мертвой рациональностью и рефлексирующим сознанием...» (Ханзен-Леве 1999, 68).

Становление субъекта преобразует объективный мир, точнее, открывает его истинный облик, и не случайно надежды Владаря связаны со Светомиром – будущие поколения, по В. Иванову, должны оправдать грехи предков – вплоть до Адама. Тогда вектор становления сменится на циркулярное самодвижение ставшего, а поток исторического времени – Рояя дополнится Антиройей. В финале своего послания Иоанн Пресвитер обещает Владарю: «...но спасетися царство еже строитель обличье даст упованию земли. Под Иоанновым прикровением сын твой миру сохранен будет» (Иванов 1971, 369). Егорьев дуб важен не только для Владаря – он соединяет историю от Горыни до Светомира и обещает возникновение нормативной власти – светской и духовной, одновременно.

Библиография

- Берд 2006 – Роберт Берд, «Мелопея Вяч. Иванова и мистерия А. Н. Скрябина», *Иванов В. И. Человек: Приложение: Статьи и материалы: Сост. А.Б. Шишкин*, Москва: Прогресс–Плеяда, 103–114.
- Иванов 1971 – Вячеслав Иванов, *Собрание сочинений*, I, Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien.
- Иванов 1994 – Вячеслав Иванов, *Дионис и прадионисийство*, Санкт-Петербург: Алетейя.
- Лосев 1990 – Алексей Лосев, *Из ранних произведений*, Москва: Правда.
- Ницше 1996 – Фридрих Ницше, *Сочинения в 2 т.*, I, Москва: Мысль.
- Топоров 2004 – Владимир Топоров, *Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение*, Москва: ОГИ.
- Ханзен-Леве 1999 – Аге Ханзен-Леве, *Русский символизм. Система поэтических мотивов раннего символизма*, Санкт-Петербург: Академический проект.
- Ханзен-Леве 2003 – Аге Ханзен-Леве, *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика*, Санкт-Петербург: Академический проект.

Ruslanas Sokolovas

Jegoro ažuolas. Medžiai Viačeslavo Ivanovo meninėje Apysakos apie caraitį Svetomirą erdvėje

S a n t r a u k a

Pagrindinės sąvokos: simbolizmas, erdvės vertikalė, tapšmas, Apolono ir Dionizo vienybė, Žemės rojus, Viačeslavas Ivanovas.

Pasakojime apie caraitį Svetomirą medžiui suteikiama simbolinė reikšmė. Tai gali būti kaip vienas atskirai augantis, individualiomis konotacijomis pažymėtas medis, taip

pat ir medžių susitelkimas, sudarantis didelę bendruomenę. Miškas meno kūrinyje vadinamas įvairiais vardais: ažuolynu, šilu, tankiu mišku. Ta erdvė semantiškai priešinga atvirai vietai – laukui, stepei. Medžių buvimas meninėje pasakojimo erdvėje susijęs su pagrindinių personažų charakteriais. Straipsnyje analizuojant simbolius mėginama atskleisti teminę *Pasakojimo apie caraitį Svetomirą* įvairovę.

Ruslan Sokolov

Yegoryev Dub (George's Oak). Trees in the Artistic Space of The Tale of Svetomir Tsarevich ("Povest o Svetomire Tsareviche") by Vyacheslav Ivanov

S u m m a r y

Keywords: *Eden, symbolism, poetry, tree, Neo-Platonism, spiritual evolution, circular system, Vyacheslav Ivanov.*

The tree is awarded a symbolic meaning in the “*Povest o Svetomire Tsareviche*”. It can be either a separate standing tree charged with individual connotations, or a gathering of trees forming an extensive topos. The forest in the work plays the roles with various names: leafy-grove, pine forest, thickets, – this space is semantically opposed to an open area – a field, a steppe. The presence of trees in the artistic space of the tale is connected with the features of the main characters. In general, based on the example of the symbols of “arboreal origin”, an attempt is made in the article to perform analysis of the thematic multiformity of the *The Tale of Svetomir Tsarevich*, taking into account the key position, which is taken by this text in the creative work of Vyacheslav Ivanov.

Р у с л а н С О К О Л О В
Институт компаративистики
Даугавпилский университет
Vienības 13
LV-5401 Daugavpils
Latvia
[ru70@inbox.lv]

Эта работа выполнена при содействии Европейского социального фонда в рамках проекта «Поддержка развития докторантуры Даугавпилского университета» № 2009/0140/1DP/1.1.2.1.2/09/PIA/VIAA/015.